

Д. А. Николаева

КЛЮЧЕВЫЕ ПОНЯТИЯ СОЦИАЛЬНО-ВОЗРАСТНОГО СТАТУСА ЖЕНЩИН В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ БУРЯТ

Мы предлагаем рассмотреть положение женщины в ключевых понятиях семейно-брачных отношений, обусловленных статусно-ролевыми изменениями, вытекающими из выполнения ею основной функции — рождение и воспитание детей.

В традиционной культуре бурят конца XIX — начала XX в. положение женщины в семье и обществе в целом было патриархальным. Она была существенно принижена в юридических, экономических, моральных правах, например существовали запреты на посещение ряда важных родоплеменных молебнов-*тайлганов*, а также пищевые, промысловые, половые табу и вводились ограничения в правах наследования, на участие в общественной жизни и т. д. Бесправие женщин закреплялось в «Приговорах» и «Уложениях» бурят. Женщина была лишена какого-либо надела земли и не могла наследовать отцовское имущество или в случае отсутствия у нее детей имущество мужа.

В семье ее положение определялось патриархальными традициями, формирующими огромное табуированное пространство, основой которого является сакрально-ритуальная мизогиническая норма, существенно ограничивающая женщину в юридических, экономических, моральных правах. Например, строгая регламентация костюма, когда она не могла показаться без безрукавки и шапочки: «*Огторгойдо оройгоо харуулха ёно үбэй, дайдада далая харуулха ёно үбэй*» — небу нельзя показывать макушку (неприкрытую голову), земле (миру) — обнаженную спину (лопатки). Женщина не смела садиться, пока муж или его родственники не сядут; поворачиваться спиной к ним или к *онгонам* (духам-охранителям дома) мужа, поэтому выходить из *юрты* она должна была пятясь. Ей запрещалось приближаться к *онгонам*, проходить на мужскую половину, прикасаться к мужским (промысловым) атрибутам, обращаться к мужу по имени и т. д.

Лишь подчиняясь практической необходимости в повседневном домашнем быту, обычно после достижения ее детей подросткового возраста, проводились обряды по снятию с женщины некоторых запретов «*сээр тайлаха*», после которых она могла свободно передвигаться по юрте, в том числе проходить на мужскую половину с соблюдением всех ограничительных запретов.

Подчинительному поведению по отношению к мужчинам, даже к сверстникам, начинали обучать с самого раннего детства, одновременно с процессом приручения *девочек* к труду. До начала полового созревания она считалась сакрально чистым существом (*арюухан*), как и мужчины. Но с появлением регул возникали запреты, которые применялись ко взрослым женщинам репродуктивного возраста.

В брачном союзе жизнь *замужней женщины* характеризовалась постоянной эксплуатацией. «Несчастливая женщина, как баба, *изи*, взятая у чужого дальнего рода, как

член, чуждый единокровно-родовой своеулусной общине, является в бурятской общине настоящей рабыней, работницею. Она все в юрте делает, и коров, и кобыл доит, и тарасун гонит, и шубы, и турсуки берестяные шьет, и войлоки вываливает и пр.» [1, с. 213]. Несомненно, это было связано с натуральным характером хозяйства, который возлагал на нее многочисленные обязанности. Она должна была производить основную продукцию, необходимую для обеспечения благоденствия семьи: шить одежду, обувь, постельные принадлежности, изготавливать домашнюю утварь, пасти скот, участвовать в полевых земледельческих, сеноуборочных и других хозяйственных работах. Женщина практически должна была делать все, в том числе работы, считавшиеся мужскими. «Во всех работах в поле являются преимущественно одни женщины, и нужно отдать справедливость, что работа их нисколько не уступает мужской, а иногда исполняется даже и более аккуратно» [2, с. 189].

Взаимоотношения в бурятской семье характеризовались демонстрацией уважительного отношения друг к другу. Супружеская пара, согласно традиционным представлениям, в любых ситуациях на людях должна была сдерживать проявления своих чувств друг к другу, как положительных, любовных: ходить вместе, сидеть вместе, при встрече показывать свою радость, тем более обниматься и целоваться, — так и неприязненных, негативных: ругаться, драться.

Следует отметить, что статус женщины-матери как в семье, так и в обществе был необычайно высок. Это связано прежде всего с благополучным рождением детей. «Мать в семье пользовалась большим уважением и почетом со стороны детей. Дети окружали мать теплом и вниманием, предоставляя ей полное право по своему усмотрению распоряжаться в доме» [3, с. 57]. Роль хозяйки дома была весьма значительной. Женщина выполняла жизненно важные функции по отношению ко всему семейно-родственному коллективу: организаторские, хозяйственные, воспитательные, идеологические и т. д. Мать распределяла и контролировала обязанности находившихся под ее началом дочерей, невесток, детей, в ее компетенции находилось рациональное расходование и распределение продовольственных и иных запасов. Она следила за надлежащим поведением всех молодых членов семьи, обучала внуков элементарным трудовым навыкам, прививала нормы и этикет внутрисемейных и общественных отношений. Мнение хозяйки дома оказывало большое влияние на модель поведения внутри семьи и на весь круг ближайших родственников. Голос матери принимался в расчет, а иногда был решающим при заключении брака ее детей, распределении семейного имущества и в других не менее важных вопросах.

Народ по достоинству оценивал высокие нравственные начала в женщине, ее внутреннюю красоту, силу и мудрость, которые она передает детям. В произведениях устного народного творчества отмечается именно духовная и эмоциональная близость матери и сына, безусловное влияние ее на ребенка. В бурятских мифах и *улигерах* (героический эпос) мать, выступая помощницей сына, наставляет его, воспитывает, учит быть храбрым, сильным, метким и т. д. Эпическая мать *Нарин Занги* вводит героя в жизнь, рассказывает ему о прошлом и настоящем, передавая опыт многих поколений, помогает решить основной вопрос для эпического богатыря — найти свою суженую. Это она, а не чудесные помощники (конь, книга судеб) сообщает герою, где находится его невеста.

Чем старше становилась женщина, тем больше ценился ее житейский опыт и ум в социуме. Возможность прожить долгую жизнь в окружении многочисленного по-

томства у бурят всегда почиталась за счастье. С возрастом появлялись определенные вольности и общественные привилегии: право на совместную трапезу со взрослыми мужчинами, тогда как молодым женщинам это было запрещено, право на совместный прием гостей. Пожилая хозяйка дома у бурят свободно сидела, беседовала и угощала гостей вместе с мужем. В гостях ее усаживали так же, как и ее супруга, на почетную сторону юрты, что было со стороны хозяев проявлением наивысшей степени почтения. Однако патриархальный уклад требовал от хозяйки дома соблюдения регламентации: почтительно относиться к мужчине равного ей или старшего возраста, носить безрукавку и головной убор, соблюдать многие запреты, установленные обществом. Пожилые муж и жена могли свободно появляться и сидеть вместе в общественных местах, прилюдно разговаривать друг с другом (есть уже многое, что им можно обсудить — дети, внуки, скот, хозяйство, поэтому общение друг с другом на людях не считалось зазорным).

В этом возрасте женщине доверялось изготовление шаманских атрибутов или предметов для похоронных обрядов: шить специальным способом (стежком назад и наизнанку) небольшой мешочек, куда клали вещи покойного (трубку, расческу, очки, несколько монет и пр.). Отныне она принимала активное участие в некоторых обрядовых церемониях: «начала» исполнять круговой танец *ёхор* на женских и кузнечных *тайлганах* (молениях). Старые женщины в силу своего возраста, находясь на пограничье между миром предков и миром потомков, выступали в качестве связующего звена между поколениями. Поэтому в обрядово-ритуальной жизни социума им отводилась ведущая роль. Например, данное обстоятельство «позволяет идентифицировать функции прыжков женщин с выкриками в обрядах празднования Нового года у эвенков с функциями женщин преклонного возраста в праздниках бурят, имеющих календарное значение» [4, с. 126].

Особый почет получала женщина, находящаяся в статусе «благополучной» — имеющая детей, внуков, достаток, здоровье (*бутэн булеэн, халаа хандараа угы, ухи хуюутэй*). Это так называемые **матриархи** семьи и рода. В бурятской культуре существовал особый знак, указывающий на высокое социальное положение такой «благополучной» женщины. Для этого 45–50-летняя женщина проходила обряд, во время которого ей распускали волосы и заплетали их в три ряда. Чуть ниже подбородка (на расстоянии ширины ладони) одну из прядей обертывали вокруг головы и затем плели косу дальше. С этих пор женщина должна была заплетать волосы только таким способом. После завершения обряда к такой женщине кардинально менялось отношение со стороны родственников и общества. Она обладала почетом и уважением, могла присутствовать на родовых обрядах (в отличие от остальных женщин, которые не имели права посещать такие мероприятия), ее голос принимался в расчет при обсуждении каких-либо важных общественно-значимых моментов, к ней обращались за советом и т. д.

Необычайно высокий статус женщины-матери, безусловно, связан с сохранившимися следами материнского культа. Во-первых, генетическое наследование именно по линии матери. Происхождение и наследственность по матери подтверждают миф об Алан-гоа, праматери монгольских родов и прародительнице Чингис-хана в одиннадцатом поколении. Представление о том, что именно материнская линия первична в формировании рода, отражено в бурятских пословицах и поговорках: «Не садись в глубине юрты, у которой дверь плоха. Не бери в жены девицу, у которой мать пло-

ха» («Муу үдэтэй *Һүри осоо, холо буу Һуу. Муу эхэтэй басага, хадамда буу аба»); «Руби дерево острым топором. Породнись с человеком из хорошего рода» («Суута Һайн Һүхөөр, модондо ябалсаха. Суута Һайн хүнээр, худа оролсохо») и т. д.*

Буряты придавали большое значение генетически качественному наследству невестки. Заветной мечтой каждого буряты было иметь здоровое потомство для продолжения рода, поэтому очень важно было *удха* (букв. «корень, происхождение»), т. е. «не было ли среди предков умалишенных, хронически больных, бездетных, пьяниц, калек» [5, с. 30]. При выборе невестки в первую очередь обращали внимание на ее физическое здоровье, ум, сообразительность и только в последнюю очередь на внешность. Девушка, соответствовавшая требованиям, ценилась очень высоко (*хурдан хурса, бэрхэ шадамар* — быстрая, расторопная, умелая, смекалистая) независимо от ее социального происхождения. В силу того что забота о благополучном потомстве и умелом ведении хозяйства играла немаловажную роль, состоятельные буряты нередко брали себе невестку с «хорошими качествами» из бедной семьи. Часто таких девушек похищали [3, с. 121].

От наличия вышеперечисленных качеств зависел размер калыма. Например, если невеста была из плодovitого рода, рослая, крепкого здоровья, способная справляться с домашним хозяйством и т. п., то размер калыма за нее устанавливался большой. При наличии у нее каких-либо физических недостатков размер калыма уменьшался или вовсе не платился.

Во-вторых, считалось, что от свойств невестки напрямую зависело будущее социума. Сохранились представления о влиянии определенных черт и качеств женщин на формирование характерных особенностей бурятских родов: «От прославленной женщины родившийся *сонгол*. От шустрой женщины родившийся *торта*. От спокойной женщины родившийся *бухут*. От умелой женщины родившийся *шарат*. От красивой женщины родившийся *готол*» [6, с. 43–44].

В-третьих, с материнской линией связано как происхождение, так и название ряда бурятских родов. Согласно этногоническому мифу, дочь лебедицы прекрасная *Хангин* однажды попала под дождь с градом и забеременела. А потом от ее сына, рожденного от градины, пошел род *хангин*; дева-лебедь родила 11 сыновей, которые впоследствии стали основателями 11-ти хоринских родов (*галзууд, харгана, хуасай, хубдууд, баганай, шарайт, бодонгууд, гушад, саган, хуудай и халбин*)... У бурят Предбайкалья в сюжете двое детей — мальчик *Шарайт* и девочка *Хангина*. Потомки *Шарайта* живут в Нукутском аймаке, а *Хангины* — в Аларском Иркутской области.

Положение женщины в семье и обществе определялось также ее принадлежностью к определенным имущественным и социальным слоям общества. Несомненно, женщина «высшего сословия» занимала более высокое положение. Она почиталась в соответствии со статусом отца (мужа). Н. С. Щукин, описывая быт и нравы бурят, писал: «В домашнем быту у богатых и знатных женщина держит себя настоящей барыней. Окруженная многолюдной прислугой, она сидит целый день перед огнем, курит табак, лакомится молочными пенками, сырниками, пьет чай, а подчас и *арсу*, слушает рассказы и сплетни, словом сказать, не делает ничего с утра до ночи» [9, с. 78]. Интересным фактом является то, что в конце XIX в. некоторые женщины имели возможность оказывать определенное влияние на дела, выходящие за рамки домашнего хозяйства, принимая участие в общественной жизни. По сообщению М. П. Данчиновой (Нукутский район Иркутской области), ее бабушка М. П. Черепанова (бабка Черепанова)

паниха) была членом Унгинской Думы. Однако этот случай скорее был исключением, поскольку в целом бурятские женщины, независимо от социального и имущественного положения, находились на периферии потестарной организации общества. Несмотря на свои привилегии, член Унгинской Думы, принимая в гости Иркутского генерал-губернатора, все равно воспринималась как зависимое лицо по отношению к мужу.

Положение молодой невестки определялось совокупностью норм и обычаев, которые регулировали правила ее поведения и этикет. Обязанностью невестки было трудиться с раннего утра до позднего вечера, считалось недопустимым отдыхать или оставаться какое-то время без дела, поздно вставать. Добродетелями жены были такие качества, как скромность, покорность, умение угодить родственникам мужа. В патриархальной семье иметь невестке собственное мнение считалось дурным тоном, ей запрещалось высказывать свое мнение или какое-либо желание, она должна была «без слов» принимать решения и наказания мужа и его родителей. Буддийский священнослужитель Х. Галшиев, обобщая многовековой опыт семейно-брачных взаимоотношений, дает советы хозяину дома, как он должен вести себя с женой в присутствии посторонних людей «во избежание стыда или недоразумений». Эти советы подчеркивали мизогинизм положения женщины: «Если возникло дело, по которому необходимо посоветоваться с женой, спрашивай ее наедине. Если спросишь в присутствии посторонних, станешь посмешищем <...> Когда разговариваешь с другими, не заглядывай в лицо жене. Из этого гость может понять, что ты бессильный, последний муж <...> Не смотри часто в сторону жены, приготовляющей пищу. Гость заметит, что ты бесстыдный, последний муж» [10, с. 38–39].

Высокий статус мужа в семье (обществе) поддерживался усилиями жены. Иначе, в случае признания, что муж не всегда и не во всем главенствует в семье, возникала угроза потери его авторитета в обществе, неодобрительного отношения как к нему, так и к ней родственников со стороны мужа и в конце концов публичного оглашения неудачного замужества. Во избежание этого бурятские жены старались создавать видимость того, что решающее слово принадлежит мужу [6, с. 56].

В традиционной семье отсутствие или, наоборот, наличие детей во многом определяли отношение к женщине в семье и обществе. Положение молодой невестки автоматически улучшалось с появлением ребенка. Многодетные невестки пользовались авторитетом, именно им поручалось исполнение жизненно важных ритуалов, связанных с воспроизводством рода (свадебные, родильные обряды).

Наибольшим несчастьем считалось бесплодие женщины. Бездетная невестка не пользовалась уважением и имела самый низкий статус как в семье, так и в обществе. «Если у бурята нет детей, то он всецело винит свою жену как единственную причину своего несчастья» [8, с. 17]. С бесплодной женщиной связывалось много суеверий, она становилась воплощением проклятия, дьявольского начала; буряты верили, что ее ругательства (*хараал*) могут сбыться. По архаическим представлениям, бесплодие женщины могло стать заразным, причем не только для окружающих ее людей, но и для окружающей среды: скота, земли, урожая. Нерожавших женщин не приглашали на праздники, не подпускали к ним детей, беременных и т. д., боялись ее «языка» и даже физических прикосновений.

В архаические времена таких женщин убивали. Об этом обычае упоминает С. П. Балдаев: «...в прежние времена, когда у кого-нибудь не было детей, закрывали ды-

мовое отверстие, потом лили воду на огонь, убивали хозяйку, а имущество делили родственники между собою» [11, ф. 15]. Со временем обычай умерщвления бездетных женщин исчез, но отношение людей не претерпело больших изменений: они продолжали считаться грешными существами, сакрально опасными для общества. По традиционным представлениям бурят, девушка становилась полноценным человеком только после замужества и рождения ребенка.

Во избежание унижительной участи женщины, не имевшие детей, искали любые средства для избавления от бесплодия: совершали специальные обряды, посещали священные места, связанные с женским культом плодородия. Стремление иметь детей любой ценой отмечалось многими исследователями бурятской семьи. В начале XX в., по свидетельству Ц. Жамцарано, у бурят Иркутской губернии зачастую девушки, уже имевшей ребенка, отдавалось предпочтение перед не родившей как имеющей доказательство способности к деторождению: «...родивших девушек берут нарасхват ради ребенка <...> не сильно заботясь, чтоб ребенок был “свой”» [11, ф. 6]. По сообщению Б.Э.Петри, буряты сознательно стремились заключать браки с тем родом, чьи женщины доказывали свою «плодовитость»: «...если у матери было много детей, считалось даже необходимым взять жену из этого рода <...> Если же приплод был плохой, род обязательно надо переменить» [8, с. 10]. Более того, он пишет, что в случае бесплодия брака мужа довольно снисходительно относились к супружеской неверности своих жен: «...от кого бы парень ни был, да мой сын считается» [8, с. 17].

Кроме того, в бурятской культуре существовал обычай, отмечавшийся многими исследователями, — усыновление детей, причем как родственников, так и чужих, в том числе другой национальности. Усыновление происходило в следующих случаях. Во-первых, в случае потери всякой надежды на рождение собственных детей. Во-вторых, в традиционной культуре бурят было не принято оставлять на произвол судьбы детей-сирот, поэтому их могли усыновлять семьи, уже имевшие детей. И наконец, детей брали на воспитание в случае, когда умирали родные дети.

Отношение к детям (внукам), как к родным, так и усыновленным, было одинаково доброжелательным, теплым и доверительным. Исследователи традиционной культуры не раз отмечали поистине безграничную любовь бурят к детям, независимо от пола и родства. «Было не принято строго наказывать детей за какие-либо проступки, а тем более применять грубое физическое воздействие, так как оно считалось вредным для их здоровья» [3, с. 101]. В начале XX в. Б.Э.Петри отмечал: «...проходя по улусу, не наткнешься на безобразные сцены порки: не слышно в улусе ни крика, ни брани; если нужно наказать детей, то срывают крапиву и ею грозят высечь ребенка, но угрозу очень редко приводят в исполнение. С малышами обращаются очень бережно и нежно» [8, с. 16].

Традиционное общество было заинтересовано в наличии полноценных и благополучных семей. Усыновление детей не требовало исполнения каких-либо формальностей [12, с. 104]. Родные и приемные дети имели равные права. Усыновленных детей любили даже больше, так как с ними связывалось много поверий и надежд: на будущее потомство, благополучие и семейное счастье, причем не только семьи, но и всего рода. Считалось, что усыновленный ребенок является как бы зачином последующих детей, с ним связывались надежды на то, что выживут остальные [3, с. 83]. Как отмечает Г.Р.Галданова, «родители зачастую отдавали своего ребенка родичам без колебаний и сомнений, так как чувство единой большой семьи у бурят было развито

чрезвычайно сильно. Если семья, имеющая достаточно много детей, откажется от- дать одного из них своим бездетным родственникам, этот поступок оценивался как безнравственный» [13, с. 134–135].

Особое почитание женщины-матери объясняется высокой детской и материнской смертностью. Несомненно, тяжелый труд женщины, отсутствие медицинской помощи, антисанитарные условия и т. д. часто приводили к летальному исходу. Поэтому **женщина-мать**, сумевшая родить, сохранить и воспитать детей, особо почиталась и уважалась. Такое же отношение было и к приемным матерям, которые выходили из категории «несчастных и обиженных судьбой женщин». Со стороны общества приемная мать получала не меньшие почет и уважение. Отныне она считалась выполнившей свое предназначение: продолжение рода, обретение семейного счастья, обеспечение старости и т. д.

Рассматривая статус женщины в категориях **молодая невестка** и **взрослая дочь**, следует отметить, что дочери, замужние и незамужние, как своеобразки не знали ограничений в жилище родителей и близких родственников, могли свободно перемещаться по юрте и присутствовать на родовых шаманских обрядах — *тайлаганах* — при условии ношения ими мужской одежды или ее детали (фуражки). Более того, замужние дочери по приезду к родителям в гости размещались на почетной половине юрты.

Невестка (чужеродка) могла располагаться только на женской, хозяйственной, стороне юрты и не могла участвовать в родовых молениях и тем более, как уже говорилось, находиться рядом с гениями-хранителями рода мужа (*онгонами*). Такое положение связано с представлениями об уровне сакральности каждого члена «ячейки общества», в частности женщины, призванной выполнять свои основные функции: своя (замужняя) дочь, родившая детей, и чужая нерожавшая невестка.

Можно также выделить еще одну социальную роль старшей женщины в структуре семьи — **свекровь** и **теща**. Позиции свекрови и тещи по отношению к зятю и невестке в семье были неодинаковы. Они регламентировались в строгом соответствии с патриархальными взаимоотношениями. Статус свекрови был выше статуса тещи. Свекровь как мать наследников и продолжателей рода и почиталась больше. Этикетные нормы бурят требовали от невестки почитать свекровь больше матери, во всем ей подчиняться и быть главной помощницей в делах. От свекрови в свою очередь требовалось относиться к невестке как к своей родной дочери.

Если у свекрови и невестки отношения были тесные, то контакты тещи с зятем были крайне редки, в связи с этим она не могла иметь на него в принципе какого-либо влияния. Исключением из правила являлся лишь тот случай, когда родители невесты брали к себе в дом зятя-примака. Лишь в этом случае теща, равно как и тесть, имела влияние на зятя и дочь.

Таким образом, определение связей в структуре социальных и семейных отношений позволяет нам выявить следы древних форм этнического сознания, которые являются составляющими феномена этнокультурной традиции, сложившейся в процессе исторической эволюции бурят.

Литература

1. *Щапов А. П.* Собр. соч. Доп. том. Иркутск, 1937.
2. *Осокин Г. М.* На границе Монголии. СПб., 1906.
3. *Басаева К. Д.* Семья и брак у бурят. Новосибирск, 1980.
4. *Дашиева Н. Б.* Календарь в традиционной культуре бурят (опыт историко-этнографического и культурно-генетического исследования). Улан-Удэ, 2001.
5. *Балдаев С. П.* Бурятские свадебные обряды. Улан-Удэ, 1959.
6. *Дондокова Л. Ю.* Положение женщины в бурятском обществе (вторая половина XIX — начало XX в.): Дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2002.
7. *Самоковасов Д. Я.* Сборник обычного права сибирских инородцев. Варшава, 1876.
8. *Петри Б. Э.* Брачные нормы у северных бурят. Иркутск, 1924.
9. *Шукин Н. С.* Буряты // Журнал Министерства внутренних дел. М., 1849. Ч. 25–26.
10. *Галшиев Э. -Х.* Зерцало мудрости, разъясняющее принимаемое и отвергаемое по двум законам. Улаан-Удэ, 1993.
11. Архив отдела памятников письменности Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Личные фонды. Ф. 15 (С. П. Балдаева). Д. 195 (341), 232, 246 (351), 306 (450), 587: «Шаманка Дэсуг», «Пословицы и поговорки», «Женское шаманство бурят-монгольского народа», «Изготовление онгона Бишихан изы», «Шаманство у кударинских бурят»; ф. 6. (Ц. Жамцарано). Д. 23: «Полевые дневники № 2, № 3 (командировки в Иркутскую губернию)».
12. *Цыбиков Г. Ц.* Шаманизм у бурят-монголов // Цыбиков Г. Ц. Собр. соч. Новосибирск, 1991. Т. II.
13. *Галданова Г. Р.* Закаменские буряты. Новосибирск, 1992.

Статья поступила в редакцию 14 марта 2011 г.